Об Антоне Паннекуке

Пауль Маттик

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

•

Пауль Маттик
Об Антоне Паннекуке

Жизнь Антона Паннекука тесно связана с самой историей современного рабочего движения; он испытал его подъем как движения социального протеста, его превращение в движение за социальные реформы и его затмение как независимого классового движения в современного мире. Но Паннекук испытал и его революционный потенциал в ходе стихийных взрывов, которые время от времени прерывали вечное течение социальной эволюции. Он вошел в рабочее движение как марксист и умер марксистом, глубоко веря: если будущее есть, оно будет социалистическим.

Как и многие видные голландские социалисты, Паннекук происходил из среднего класса. Он заинтересовался социализмом, по собственному замечанию, движимый научной склонностью, достаточной сильной, чтобы охватить как общество, так и природу. Марксизм был для него распространением науки на социальные проблемы и гуманизацией общества. Его огромный интерес к социальным наукам был абсолютно совместим с его интересом к естественным наукам; он стал не только одним из ведущих теоретиков радикального рабочего движения, но и всемирно признанным астрономом и математиком.

Это комплексное отношение к естественным и социальным наукам и философии определило характер большинства работ Паннекука. Одна из его самых ранних публикаций «Марксизм и дарвинизм» освещала взаимосвязь между обеими теориями, одна из его последних работ «Антропогенез» была посвящена происхождению человека. «Научное значение как марксизма, так и дарвинизма, — писал он, — состоит в том, что они следуют теории эволюции — одна в сфере органического мира, другая в сфере общества». Наиболее важным в трудах Дарвина было признание того, что «при определенных условиях некоторые виды живых существ неизбежно развиваются в другие виды живых существ». Это был «механизм», «естественный закон», объяснявший процесс эволюции. То, что Дарвин отождествлял этот «естественный закон» с борьбой за существование, аналогичной капиталистической конкуренции, не

компрометирует его теорию, а капиталистическая конкуренция не становится от этого «естественным законом».

Маркс сформулировал положение о движущей силе социального развития. «Исторический материализм» направлен на общество и утверждает, что мир состоит как из природы, так и из общества. Человек должен есть, чтобы жить. Но законы социального развития — это не «законы природы». И, конечно же, все «законы» — как природы, так и общества — не абсолютны. Но, как показывает опыт, они достаточно прочны, чтобы считаться «абсолютными» для целей человеческой практики. Они ни в коей мере не ставят под вопрос безоговорочную свободу воли и свободу выбора, они касаются наблюдаемых правил и регуляторов, которые позволяют найти объяснения, чтобы рационализировать человеческую деятельность.

Как и Маркс, Паннекук полагал, что «производство материальных условий жизни формирует основные структуры общества и определяет политические отношения и социальные конфликты». Именно путем классовой борьбы осуществляются решающие социальные перемены, и ведут они от более низкому к более высокому производственному уровню социального производства. Социализм будет означать будущее развитие общественных производительных сил, которые в настоящее время сдерживаются господствующими классовыми отношениями. И это может быть совершено только трудящимися, способными объяснить необходимость бесклассового общества.

В известной нам истории этапы существования человека и общества распознаются по изменениям орудий и форм производства, которые меняют производительность общественного труда. «Начала» этого процесса теряются в предыстории, но можно предположить, что они коренятся в борьбе человека за существование в неблагоприятной природной среде, вынуждавшей его развить в себе способности к труду и социальной организации. С тех пор, как Фридрих Энгельс написал «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», вопросу об орудиях и эволюции человека была посвящена обширная литература.

В «Антропогенезе» Паннекук возвращается к проблеме, поставленной в его ранней работе «Марксизм и дарвинизм». Поскольку существуют «механизмы» социального развития и эволюции природы, должен существовать «механизм», объясняющий возвышение человека в животном мире. Общественность, взаимопомощь и даже использование «орудий» характерны и для других видов существ; специфическим для человека являются язык, разум, изготовление орудий. Именно это

последнее, вероятно, вызвало одновременное развитие языка и разума. Поскольку использование орудий ставится между организмом и внешним миром, между стимулом и действием, оно побуждает к действию и, следовательно, к мышлению, к тому, чтобы идти окольным путем от чувственного восприятия через орудие к объекту.

Умение говорить было бы невозможно без человеческого мышления. Человеческий мозг способен к абстрактному и концептуальному мышлению. Духовная жизнь как людей, так и животных начинается с ощущений, которые соединяются в образы, человеческий мозг различает между восприятием и действием с помощью мышления, поскольку орудие посредничает между человеком и тем, чего он намерен добиться. Разрыв между восприятием и действием и запоминание прошлых восприятий делает возможными сознание и мышление, которые устанавливают взаимосвязь между восприятиями и формулируют теории, применимые для практического действия. Естественные науки свидетельствуют о тесной связи между орудиями и мышлением. Поскольку орудие является отдельным, неживым объектом, который может быть заменен другим, лучшим и поддающимся более разностороннему использованию, он обеспечивает особое и быстрое развитие человека. В свою очередь, их использование обеспечивает развитие умственных способностей человека. Труд — это создатель и «существо» человека, какому презрению и отчуждению не подвергался рабочий. Труд и изготовление орудий выделяет человека из животного мира в том, что касается социальных действий в соответствии с потребностями его жизни.

Переход от животных к человеку должен был бывать очень длительным процессом. Но переход от первобытного человека к современному был сравнительно быстрым. Первобытного человека отличает от современного не различные способности мозга, а различия в использовании этих способностей. Когда общественное производство стагнирует, стагнирует общество, производительность труда развивается медленно, социальные перемены также происходят с задержкой. В современном обществе общественное производство развивается быстрее, создавая новые и разрушая старые классовые отношения. Не природная борьба за существование, а социальная борьба за ту или иную концепцию общественной организации определяет общественное развитие.

Социализм с самого начала был и теорией и практикой. Он не ограничивается теми, кто надеется помочь переходу от капитализма к социализму. Социализм направлен на

бесклассовое общество, прекращение социальной борьбы; он привлекает умных людей из всех слоев общества и тем самым демонстрирует заранее возможность своего осуществления. Молодым студентом естественных наук, специализирующимся по астрономии, Паннекук вступил в Социал-демократическую рабочую партию (СДРП) и присоединился к ее левому крылу, вместе с Германом Гортером и Генриеттой Роланд-Хольст.

Этой партии предшествовал Социал-демократический союз, который под влиянием Домелы Ньювенхюйса порвал со Вторым Интернационалом. Его главным делом бывал антимилитаризм, и Ньювенхюйс выступал за использование всеобщей стачки для предотвращения войны. Он не получил поддержки большинства для этого предложения и довольно рано обнаружил тенденцию к классовому сотрудничеству внутри Интернационала. Он выступил против исключения анархистов из Интернационала, а его опыт депутата парламента привел его к тому, чтобы отвергнуть парламентаризм как орудие социального освобождения. «Анархо-социалистическая» тенденция, представленная Ньювенхюйсом, расколола организацию, и возникла новая социалистическая партия, более близкая к «модели» германской социал-демократии. Однако радикальная идеология старой партии сохранилась в традициях голландского социалистического движения.

Традиционный радикализм нашел свое выражение в партийном ежемесячнике «Ньюве тийд», особенно в статьях Гортера и Паннекука, которые повели борьбу с растущим оппортунизмом партийных лидеров. В 1909 г. левая группа вокруг Гортера была исключена и создала новую организацию — Социал-демократическую партию. Тем временем Паннекук отправился в Германию. Он преподавал в партийной школе Социал-демократической партии Германии, писал статьи для ее теоретических изданий и многих других газет, особенно для «Бремер Бюргерцайтунг». Он отождествлял себя с новой организацией Гортера, которая, годы спустя, под руководством Ревестейна, Вийнкоопа и Кетона стала Компартией, ориентированной на Москву…

Оппозиция Паннекука против реформизма и социал-демократического «ревизионизма» продолжала традицию «либертарного социализма» Ньювенхюйса, но это была марксистская оппозиция против «официального марксизма» в его «ортодоксальной» и «ревизионистской» формах. В «ортодоксальном» виде марксизм служил идеологическим прикрытием для немарксистской теории и практики. Но защита марксизма Паннекуком была не доктринальной; более, чем кто-

либо он понимал, что марксизм — это не догма, а метод мышления о социальных вопросах в актуальном процессе социального преобразования. Некоторые аспекты марксистской теории были превзойдены развитием самого марксизма. Некоторые из его тезисов, сформулированных при определенных условиях, потеряли свою действенность, когда эти условия изменились.

Первая мировая война заставила Паннекука вернуться в Голландию. До войны он активно работал в Бремене вместе с Радеком, Паулем Фрёлихом и Йоганном Книфом. Бременская группа левых радикалов, интернациональных коммунистов, позднее слилась с Союзом Спартака, образовав Компартию Германии. Лидерами антивоенных групп в Германии стали Карл Либкнехт, Роза Люксембург и Франц Меринг; антивоенные чувства в Голландии концентрировались вокруг Германа Гортера, Антона Паннекука и Генриетты Роланд-Хольст. В Циммервальде и Кинтале к этим группам в осуждении империалистической войны и выступлении за пролетарское действие за скорый мир или революцию присоединились Ленин и его сторонники. Как голландские, так и германские радикалы поддержали российскую революцию 1917 г., считая ее вероятным началом мирового революционного движения — несмотря на глубинные расхождения между ними и ленинистами.

Находясь в тюрьме, Роза Люксембург выражала опасения относительно авторитарных тенденций большевизма. Она опасалась за социалистическое содержание российской революции, если она не найдет поддержки в пролетарской революции на Западе. Ее позиция критической поддержки большевистского режима разделялась Гортером и Паннекуком. Тем не менее, они продолжали работать в новой Компартии и над созданием нового Интернационала. Но они считали, что этот Интернационал должен стать действительно новым не только по названию, но и по своим взглядам, с точки зрения социалистической цели и пути к ней.

Социал-демократическая концепция социализма — это государственный социализм, устанавливаемый путем парламентско-демократических процедур. Всеобщее избирательное право и тред-юнионизм были инструментами осуществления мирного перехода от капитализма к социализму. Ленин и большевики не верили в мирную трансформацию и выступали за революционное свержение капитализма. Но их концепция социализма оставалась той же, что и у социал-демократии, а парламентаризм и тред-юнионизм оставались в числе инструментов достижения цели.

Однако царизм был свергнут не демократическим процессом и не профсоюзной работой. Организацией революции стали стихийно возникшие рабочие и солдатские Советы, которые, однако, позднее открыли дорогу большевистской диктатуре. Ленин был готов использовать Советское движение, но был готов и к использованию любой иной формы действий, включая партийный милитаризм и тред-юнионизм, чтобы добиться своей цели — диктаторской власти своей партии, замаскированной под «диктатуру пролетариата». Добившись этой цели в России, он попытался консолидировать режим с помощью революционных движений в Западной Европе, а при их неудаче — с помощью приобретения достаточного влияния в западном рабочем движении, чтобы, по крайней мере, получить его косвенную поддержку. Из-за непосредственных стремлений большевистского режима и политических идей его лидеров Коминтерн стал не началом нового рабочего движения, а скорее попыткой завоевать контроль над старым движением и использовать его для укрепления большевистского режима в России.

Социал-патриотизм западных рабочих организаций и их политика классового сотрудничества на протяжении войны убедили революционных рабочих Западной Европы в том, что эти организации невозможно использовать в революционных целях. Они стали органами, привязанными к капиталистической системе, и их следовало разрушить вместе с капитализмом. Будучи неизбежными и необходимыми для раннего развития социализма и борьбы за немедленные цели, парламентаризм и тред-юнионизм больше не могли быть инструментами классовой борьбы. Когда возникал глубокий социальный конфликт, они становились на сторону капитала. Для Паннекука это не было проблемой дурного руководства, решаемой путем его замены на лучшее; это был вопрос изменения общественных условий, в которых парламентаризм и тред-юнионизм больше не играли освободительной роли. Кризис капитализма в результате войны поставил вопрос о революции, и старое рабочее движение не могло быть превращено в революционную силу: при социализме нет места для тред-юнионов или формальной буржуазной демократии.

Когда во время войны рабочие вели борьбу за немедленные требования, они делали это вопреки профсоюзам, как это было во время массовых стачек в Голландии, Германии, Австрии и Шотландии. Они организовывали свои действия через фабричные комитеты, фабричных старост или рабочие Советы, независимо от существовавших профсоюзов. В каждой действительно революционной ситуации, в России в 1905 и 1917 гг., в Германии

и в Австрии в 1918 г. рабочие и солдатские Советы возникали стихийно и пытались организовать экономическую и политическую жизнь, распространяя систему Советов на общенациональный уровень. Правление рабочих Советов и есть диктатура пролетариата; Советы избирались по производственному признаку, все социальные слои, не связанные с производством, не были представлены в них. Сами по себе они могли и не вести к социализму, и, действительно, рабочие Советы в Германии сами отказались от своего существования, поддержав Национальное собрание. Однако, самоопределение пролетариата нуждалось в социальной организации, которая передавала бы распоряжение производством и распределением в руки самих рабочих.

В этом движении Советов Паннекук видел начало нового революционного рабочего движения, которое, в то же самое время, было началом социалистической реорганизации общества. Это движение могло вырасти и укрепиться только в оппозиции старому рабочему движению. Его принципы привлекали наиболее активную часть борющегося пролетариата, к большому огорчению Ленина, который не мыслил себе движения вне контроля партии или государства и активно выхолостил Советы в России. Ленин не желал согласиться на международное коммунистическое движение не под абсолютным контролем его собственной партии. Вначале путем интриг, а затем и открыто после 1920 г. большевики старались увести коммунистическое движение с его антипарламетарного и антипрофсоюзного курса под тем предлогом, что необходимо не потерять контакт с массами, остающимися в старых организациях. Ленинская «Детская болезнь “левизны” в коммунистическом движении» была направлена, в первую очередь, против Гортера и Паннекука как представителей коммунистического движения за Советы.

На Гейдельбергской конференции 1919 г. Компартия Германии раскололась на ленинистское меньшинство и большинство, верное изначальным партийным принципам антипарламентаризма и антитредюнионизма. Но появился и еще один вопрос, вызвавший раскол, а именно о диктатуре партии или диктатуре класса. Неленинистские коммунисты приняли название «Коммунистическая рабочая партия Германии» (КРПГ), в качестве аналогичной организации в Голландии была позднее образована партия оппозиционных коммунистов — сторонников Советов, к ней присоединился и Паннекук. Коммунисты Советов присутствовали на Втором конгрессе Третьего Интернационала в качестве симпатизирующей организации. Условия вхождения в Интернационал — полное подчинение различных национальных

организаций воле российской партии — полностью отделило новое движение за Советы от Коминтерна.

Действия Коминтерна против «ультралевых» были первым прямым российским вмешательством в жизнь коммунистических организаций в других странах. Линия на контроль оставалась неизменной и подчинила все мировое коммунистическое движение особым целям России и большевистского государства. Хотя, как и предсказывали Паннекук и Гортер, движению под гегемонией России не удалось ни «завоевать» западные профсоюзы, ни установить господство над старыми социалистическими организациями, сделав своих сторонников их лидерами, оно разрушило независимость и радикальный характер нового возникавшего коммунистического рабочего движения. Опираясь на огромный престиж успешной политической революции со своей стороны и на поражение германской революции, оно смогло добиться для принципов ленинизма поддержки большинства в коммунистическом движении. Идеи и движение коммунизма рабочих Советов постепенно слабели и практически исчезли с установлением фашистских террористических режимов и приходом второй мировой войны.

Борьба Ленина против «ультралевых» была первым проявлением «контрреволюционных» тенденций большевизма. Борьба Паннекука и Гортера против ленинистского извращения нового рабочего движения стала началом пролетарского антибольшевизма. А именно таким только и может быть последовательный антибольшевизм. Буржуазный «антибольшевизм» — это ходячая идеология империалистической капиталистической конкуренции, которая колеблется в зависимости от изменений соотношения сил между государствами. К примеру, Веймарская республика, с одной стороны, боролась с большевизмом, а, с другой, заключала тайные сделки с Красной армией и открытые коммерческие сделки с большевизмом, чтобы укрепить свои собственные политические и экономические позиции в рамках процесса международной конкуренции. За этим последовали пакт Гитлера-Сталина и вторжение в Россию. Вчерашние западные союзники стали врагами по холодной войне. Мы упомянули только наиболее явные примеры «непоследовательности», в действительности же все это — капиталистическая «политика», определяемая ничем иным, как принципами прибыли и власти.

Антибольшевизм должен предполагать антикапитализм, поскольку большевистский государственный капитализм — всего лишь иная разновидность капитализма. В 1920 г. это, разумеется, еще не было столь очевидно, как сейчас. Понадобился

эксперимент с российским большевизмом, чтобы показать, как нельзя осуществлять социализм. Передача контроля над средствами производства от частных владельцев государству и централистское, антагонистическое управление производством и распределением сохраняет отношения труда и капитала и разрыв между эксплуататорами и эксплуатируемыми, управляющими и управляемыми. В своем развитии он всего лишь ведет к более современной форме капитализма, при которой капитал непосредственно — а не опосредованно, как прежде — становится коллективной собственностью политически по-прежнему правящего класса. В этом направлении идут все капиталистические системы, и это сводит капиталистический «антибольшевизм» к обычной империалистической борьбе за контроль над миром.

Оглядываясь назад, очевидно, что расхождения между Паннекуком и Лениным не могли быть решены путем аргументов. Но в 1920 г. еще сохранялись надежды на то, что западный рабочий класс пойдет независимым курсом — не к видоизмененному капитализму, а к его ликвидации. Отвечая на ленинскую «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме», Гортер попытался убедить большевиков в «ошибочности» их пути, делая упор на различия в социально-экономических условиях между Россией и Западом и на то, что «тактика», приведшая большевиков к власти в России, не может применяться в пролетарской революции на Западе. Дальнейшее развитие большевизма показало, что «буржуазные» элементы ленинизма проистекали не из «неверной теории», а были следствием самого характера российской революции, которая была возможной и осуществилась как государственно-капиталистическая революция, опиравшаяся на псевдомарксистскую идеологию.

В многочисленных статьях в антибольшевистских коммунистических журналах до самой своей кончины Паннекук разъяснял характер большевизма и российской революции. Как и раньше, критикуя социал-демократию, так и теперь Паннекук не обвинял большевиков в «предательстве» принципов рабочего класса. Он подчеркивал, что российская революция, являясь значительным эпизодом в развитии рабочего движения, добивалась только системы производства, которой мог быть так называемый государственный социализм или государственный капитализм, что одно и то же. Она не в большей мере предала свои цели, чем профсоюзы «предали» тред-юнионизм. Не может быть другого тред-юнионизма, нежели тот, который существует; также и государственный капитализм не может быть чем-то иным, нежели есть.

Однако российская революция сражалась под флагом марксизма, и большевистское государство почти всеми считается марксистским режимом. Марксизм, а затем марксизм-ленинизм-сталинизм оставался идеологией российского государственного капитализма. Чтобы показать, что в действительности означает «марксизм» ленинизма, Паннекук предпринял критическое исследование его философской основы, опубликовав его в 1938 г. под названием «Ленин как философ».

Философские идеи Ленина были выражены в его работе «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в 1908 г. по-русски и переведенной на немецкий и английский в 1927 г. Около 1904 г. некоторые российские социалисты, в особенности Богданов, стали проявлять интерес к современной западной естественной философии, в первую очередь, к идеям Эрнста Маха, и попытались соединить ее с марксизмом. Они приобрели некоторые влияние в российской соцпартии, и Ленин попытался разрушить его, атаковав источник их философии.

Хотя и не в философском смысле, Маркс называл свою систему мышления материализмом. Она была направлена на материальную основу всего человеческого существования и изменения и выросла из отрицания как философского материализма Фейербаха, так и философского идеализма Гегеля. Для буржуазного материализма природа была объективно данной реальностью и человек подчинялся естественным законам. Эта прямая конфронтация между индивидом и внешней природой и неспособность рассматривать общество и общественный труд как невидимый аспект всей реальности отличали материализм среднего класса от исторического материализма.

Ранние буржуазные материалисты или сторонники естественной философии полагали, что через чувственный опыт и отделенную от него мыслительную деятельность можно достичь абсолютного, действительного знания физической реальности-мышления, чтобы понять материю. В попытке осуществить материалистическое представление об объективном мире применительно к процессу самого познания, Мах и позитивисты пришли к отрицанию объективной реальности материи, поскольку физические концепции должны исходить из чувственного опыта и, следовательно, сохранять свою субъективность. Это сильно беспокоило Ленина, поскольку для него сознание было всего лишь отражением объективной истины, то есть истины о материи. Во влиянии Маха на социалистические круги он видел подрыв марксового материализма. Субъективный элемент в теории познания Маха становился, в представлении Ленина, идеалистическим извращением и намеренной попыткой

оживить религиозный обскурантизм.

То, что критический прогресс науки интерпретировался идеалистами в пользу религии, — разумеется, соответствует истине. Некоторые марксисты начали защищать материализм некогда революционной буржуазии против нового идеализма и новой науки как проявлений утвердившегося капиталистического класса. Ленину же это казалось особенно важным, поскольку российское революционное движение, оставаясь в рамках буржуазной революции, вела идеологическую борьбу с использованием более широких научных и философских аргументов, нежели раннее западная буржуазия.

Сопоставляя ленинские нападки на «эмпириокритицизм» с их реальным научным содержанием, Паннекук обнаружил не только то, что Ленин дал неверное, искаженное объяснение идей Маха и Авенариуса, но и его неспособность критиковать их работу с марксистской точки зрения. Ленин нападал на Маха не с точки зрения исторического материализма, а с позиции прежнего, научно менее развитого буржуазного материализма. В использовании материализма среднего класса для защиты «марксизма» Паннекук видел еще одно указание на полубуржуазный, полупролетарский характер большевизма и российской революции. Оно шло в одном ряду с государственно-капиталистической концепцией «социализма», авторитарным отношением к спонтанности и организации, устаревшим и нереальным принципом национального самоопределения и с убежденностью Ленина в том, что только интеллигенция из среднего класса может развить революционное сознание и призвана руководить массами. Соединение буржуазного материализма и революционного марксизма, характерное для философии Ленина, проявилось в победившем большевизме как сочетание неокапиталистической практики с социалистической идеологией.

Однако российская революция была прогрессивным явлением огромного значения, сравнимым с французской революцией. Она продемонстрировала также, что капиталистическая система производства не ограничивается отношениями частной собственности, которые господствовали в период свободной конкуренции. Со спадом революционной волны в конце первой мировой войны капитализм восстановился, несмотря на состояние кризиса, с помощью увеличения государственного вмешательства в экономику. У более слабых капиталистических наций оно приняло форму фашизма и привело к активизации империалистической политики, которая в итоге привела ко второй мировой войне. В еще большей мере, чем первая, вторая

мировая война показала, что существующее рабочее движение не является классовым — оно часть современного капитализма.

В оккупированной Голландии в период второй мировой войны Паннекук начал писать свой труд о рабочих Советах, который он завершил в 1947 г. Эта работа стала итогом его жизненного опыта в теории и практики международного рабочего движения, изучения развития и трансформации капитализма во многих странах и в целом. Эта история капитализма и борьбы против капитализма завершается триумфом и оживлением изменившегося капитализма после второй мировой войны и полным подчинением интересов рабочего класса целям конкуренции между двумя соперничающими капиталистическими системами в их подготовке к новой мировой войне. На Западе существующее рабочее движение надеется всего лишь на замену монополий государственным капитализмом. Так называемое мировое коммунистическое движение надеется на мировую революцию по модели российской революции. Во всех случаях социализм отождествляется с «общественной» собственностью, при которой государство является хозяином производства, а рабочие остаются подчинены правящему классу.

Крушение старого капитализма было и крушением старого рабочего движения. То, что это движение объявило социализмом, превратилось в самую грубую форму капитализма. Но в отличие от правящего класса, быстро приспособившегося к изменившимся условиям, рабочий класс, сохранив приверженность традиционным идеям и действиям, оказывается в беспомощной и, по-видимому, безнадежной ситуации. И поскольку экономические изменения лишь постепенно меняют идеи, может пройти ощутимое время, прежде чем появится новое рабочее движение, соответствующее новым условиям. Задача рабочих остается той же самой: ликвидация капиталистического способа производства и осуществление социализма. А это возможно только если рабочие самоорганизуются и организуют общество таким образом, чтобы обеспечить планируемое социалистическое производство и распределение, определяемые самими производителями. Когда такое рабочее движение возникнет, оно признает свое происхождение в идеях коммунизма рабочих Советов и одного из их наиболее последовательных пропагандистов — Антона Паннекука.